

Съезд словесников: труды и дни

В начале июля в МГУ состоялась Всероссийский съезд учителей русского языка и литературы, участниками которого стали почти девятьсот человек. Средства массовой информации, ослабленные летней жарой, смогли выудить из всего съезда только интересующий их аудиторию жареный кусочек: учителя высказались против немедленной реализации инициативы В.В. Путькина, получившей название «100 книг». Между тем на съезде обсуждались вопросы куда более важные, чем акции-однодневки. А итоговая резолюция оказалась гораздо более острой, чем ожидали сами делегаты съезда... Окинем взглядом труды и дни съезда, используя дневниковые записи его участников.

Большинству из приехавших на съезд учителей было ясно – наши предметы (русский язык и литература) находятся в серьёзном кризисе. Соотнести видимые всеми по-своему симптомы кризиса, сверить часы, пообщаться с коллегами, придумать, можно ли что-то сделать и что именно, попытаться объяснить свою позицию начальникам (государству) и простым гражданам (обществу) – вот лишь начало списка тех дел, которые приехали делать участники съезда.

Съезды учителей-словесников не имеют в нашей стране отчётливой традиции. Один был накануне революции. Другой сразу после. Потом в 2003 году собирались в Питере. Так что образцов жанра по сути нет. МГУ, взявшийся организовывать съезд, взял за основу нечто среднее между большой научно-практической конференцией и съездом партии брежневских времён – благо оба эти образца живы и здоровы. Этот кентаврический формат сразу же обнаружил свою громоздкую тяжеловесность и несовременность. Его пришлось ломать и переделывать на ходу – и здесь огромная заслуга организаторов первого звена, сотрудников филфака МГУ, которые сумели перестроиться и протянуть-таки через все три съездовских дня какую-то очень живую нить. Этот опыт оказался ценен для всех, и следующий съезд, если он состоится, вне всякого сомнения, будет организован совсем по-другому.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ съезда разочаровал. Учителям, собравшимся на пленарное заседание в большом зале Фундаментальной библиотеки МГУ, рассказывали о чём угодно, только не о том, чему должен быть посвящён съезд. История МГУ и тонкости взаимоотношений филологии и математики, корпусные исследования русского языка, освещение событий Великой Отечественной войны в современной публицистике, особенности экспозиции в музее Пушкина, порча русского языка в СМИ... Между длинными

докладами на эти интересные, но не относящиеся к делу темы, участников съезда ждали бесконечные приветствия от властных органов и околоставных общественных организаций, пионерски-бодрые рапорты учительниц – ударниц педтруда и выступления двух министров образования – нынешнего и недавно ушедшего.

Из дневника съезда (№ 1)

Мы поняли, что наше сборище не только повод прочитать доклад и поставить где-то галочку, но и арена для того, чтобы отметиться в бурной государственной деятельности. Явился действующий министр. Говорил недолго, чисто, ласковым голосом. Явился Фурсенко, на голубом глазу выложил своё предложение вместо ЕГЭ и сочинения писать дипломную работу по литературе и защищать её перед какой-то независимой комиссией. Ему жидко похлопали, хотя надо было освистать. Нам прочитали приветствие от Госдумы, выступила тётенька от Совета Федерации, ещё дяденька из тех же мест радовался, что русский снова любят в мире, даже в Африке, учитель года двадцатилетней давности читал свои стихи, недавняя учительница года клялась в оптимизме, произнесла при этом все банальности, какие только можно. Выступила мадам Иванова – председатель Всероссийского педагогического собрания – и очень радовалась, что уже много всяких съездов удалось, оказывается, провести и всяких ассоциаций образовать...

Только в самом конце пленарного заседания, когда большая часть президиума разъехалась, удалось поставить острые вопросы. Об усталости нашего педагогического сообщества от псевдодеятельности, от потока мёртвых слов, которые валяются на школу. О вранье, которым нас пичкают и которое поддерживаем мы сами. О новом стандарте, который отменил литературу в старшей школе, слив их с русским

языком в один предмет – словесность. О нашем внутреннем согласии с положением дел – опять же от усталости. Об отсутствии механизмов влияния на государственные решения. О необходимости пересматривать тактику и стратегию преподавания...

Последнему докладчику, М.Голубкову, совсем не оставили времени. И он коротко и энергично сказал три важные вещи. О том, что съезды словесников собираются именно тогда, когда дело плохо. Что говорить о своём несогласии всё равно надо – иначе точно не услышат. И что культурную традицию мы должны передавать, несмотря ни на что.

Из дневника съезда (№ 1)

После пленарного заседания большая часть народа отправилась на круглый стол про сто пресловутых книг, чтобы понять, как нас эта напасть заденет. И вот тут грянула буря.

Вела этот стол Валентина Иванова из Всероссийского Педсобрания (ВПС) вкпе с пожилым историком. Выступавшие были заранее назначены этим же ВПС. Для них это тоже была трибуна, чтоб отметить-ся. К списку книг их речи не имели никакого отношения. Сами собранные каким-то образом списки производили странное впечатление. Их собирали в разных областях и так и печатали: воронежский, елецкий, башкирский и т.п. С опечатками, с какими-то необъяснимыми перепадами от «Искренне вашего Шурика» до «башкирского женского рукоделия» (!!!). Большая часть странна и замшела, будто из застойных 70-х...

Двух-трёх докладчиков ни о чём выслушали с нарастающим раздражением. Затем выступавших не на тему стали просто сгонять со сцены. Сидевшая в президиуме Иванова запаниковала и объявила, что не позволит сорвать круглый стол. Тут народ воспользовался тем, что можно было попроситься к микрофону, и перестал безмолвствовать. Сначала задали несколько вопросов по существу: зачем нам этот список, чтобы подменить программу или всё-таки чтобы дополнить? С первым – дал понять народ – съезд единогласно не согласен. А ко второму варианту есть свои вопросы: как будут проверять знакомство с этими книгами? По какому принципу их собираются отбирать, если в списках дикий, бредовый винегрет? Как мыслится обсуждение этого проекта (на которое особо напирала Иванова), если к 15 августа список уже собираются обрушить на августовский педсовет? Где это вообще всё обсуждается? Потом пошёл просто разгневанный народ с горячими словами. Например: пусть Путин занимается коррупцией и не лезет туда, где ничего не понимает. И что из нас делают «тётенек для битья». И зачем вообще нужен школе этот спи-

сок, если каждый учитель составляет свой – с учётом детских особенностей? А если в Америке был такой список для вузов – так, может, нам тоже для вузов сделать, а школе дать пройти программу? И даже такая мысль: когда в 80-х был составлен список из одной книги – воспоминаний Брежнева – страны не стало. Как бы список из 100 не спровоцировал чего похуже... Кстати, тот же оратор отметил интересную закономерность: 2007 год был назван Годом русского языка – и отменили сочинение. В 2012 предложен список из 100 книг – и отменена литература в старших классах. А один сердитый коллега сказал, что вообще люди приехали на съезд, чтоб обсудить свои проблемы, которых у нас полно, а не для того, чтобы побыть массовой, пока чиновники будут пиариться...

Из дневника съезда (№ 2)

Выступающих на круглом столе условно можно поделить на три группы: первая – это те, кто считает инициативу-100 благом и бесспорной директивой и готов уже сейчас сделать всё, чтобы её реализовать, даже обсуждать возможные формы контроля за выполнением. Они говорят о необходимости «воспитания читателя-гражданина», хотя понятно, что слово «гражданин» из этого словосочетания нужно исключить (никто ведь не ругает за воспитание математика-гражданина или химика-патриота). Вторая – те, кто в целом с инициативой согласен, но видит подводные камни и иные решения такой задачи, более частные, но хорошие и толковые (проект «7 книг моей семьи», список не из ста книг, а из ста имён писателей и т.д.). Третьи – те, кто сомневается не столько в инициативе, сколько в возможности её реализации в условиях современного образования, падения интереса к чтению, изменения модели чтения и считает такую инициативу ненужной.

На съезд прибыло 827 делегатов из 72 регионов Российской Федерации и из других государств. Программный комитет съезда получил 1106 заявок, 224 тезиса докладов. На заседаниях 6 секций и 10 круглых столов с докладами и сообщениями выступило 117 человек.

К сожалению, некоторые выступавшие допускали досадные неточности, оговорки, уходили от предмета обсуждения. Так удивило сочетание «формирование модели читателя», мысль о соединении «семейного чтения и инициативы президента». Говорили о том, что список-100 не должен дублировать программу, но должен состоять из «золотых произведений русской литературы», на что некоторые удивлённо возразили: «Вы хотите сказать, что мы по программе читаем плохие книги?» Ответа не последовало...

Список из ста книг по версии ВПС прокатили. Казалось бы, мы победили, но это ненастоящая победа. Нам спустят список сверху, заставят заставлять его осваивать, потом отчитываться, а потом получат гранты, будут собирать конференции, докладывать,

События и встречи

как снизилась преступность сразу после введения списка в оборот, сколько злодеев раскаялось после прочтения «Васюткина озера», на сколько процентов более интеллигентным стало наше общество. Кстати, и сейчас под разработку таких списков были выделены деньги на гранты. Знает ли о грандиозности последствий своей реплики президент?

ДЕНЬ ВТОРОЙ. В этот день съезд разручился: работа шла по секциям и круглым столам. Отдельно обсуждали преподавание русского языка, отдельно – литературы, другие секции были посвящены «углублёнке», техническим средствам поддержки преподавания, повышению квалификации учителей, музейной педагогике. Тематика докладов поражала пестротой. Формулировки некоторых из них отпугивали неуклюжей научностью («Варианты решения проблемы обновления содержания литературного образования...» – за пять родительных падежей подряд в тексте ЕГЭ снизили бы балл; «Формирование универсальных учебных действий в ходе подготовки к итоговой аттестации по литературе: опыт разработки и использования тестовых заданий по литературе в 6-м классе» – за этой риторикой на деле скрывается факт натаскивания всего класса к необязательному ЕГЭ за пять лет до самого экзамена). Другие доклады звали к себе образностью и метафоричностью названий («Боли и тревоги старого учителя литературы», «Как спасти литературу?», «Мост над пропастью», «Литературный тупик»). Прослушать все доклады даже на одной секции было физически невозможно, поэтому любые отчёты об этом дне будут фрагментарны. Выберем лишь то, что касается непосредственно литературы.

Из дневника съезда (№ 2)

Этот день был другим. Мы были предоставлены сами себе, не было никого, кто мог бы помешать обмениваться мнениями, слушать доклады, спорить, предлагать свои решения. Никого, кроме нас самих.

Тон, мелодию дня задал старейшина – Лев Соломонович Айзерман. Многие боялись, что это будут «жалобы турка», однако всё было наоборот. Лев Соломонович бодр, ясен, точен, резок, ироничен, профессионален. У него учиться и учиться. Учиться тому, как нужно относиться к самому себе, быть достойным человеком. Как удаётся сохранять такую статью в глубокой зрелости? Какой ценой? Вероятнее всего, фантастической преданностью делу. Учителя активно покупали книгу Л.Айзермана, обступив мэтра, разговаривали с ним. Очень школьная и трогательная картинка.

Л.Айзерман не верит методическим работам, у авторов которых всё хорошо получается. «Так не бы-

вает!» – утверждает он и даёт вектор рефлексии на весь день. Он правильно всё понимает. Он делится своими переживаниями, сетует, иногда говорит очевидно об очевидном. Но всегда – в точку. «Методическая попка», «На четвереньках кончить школу», «Высшее знание литературы – способность понять прочитанное», «Новый предмет – русский с литературой – как совмещённый санузел» – вот лишь части картинок, в которой целая Вселенная.

В это день тон задавали и другие. Оставлю в стороне рассказ о выступлении С.Зинина и других, потому что не хочу думать и писать о ЕГЭ и позиции его разработчиков, благородных людей, принёсших себя в жертву образованию. Не хочу думать о замечательных учительницах, у которых читают все дети, с которыми они «читают литературу». Таких сегодня было несколько – очаровательных, наивных, убеждённых в собственной непогрешимости, пытающихся убедить и нас в этом. Они литературу «изучают», «дают», «доносят до ученика суть прочитанного», много знают про духовно-нравственное воспитание и рекомендации на этот счёт дьякона Андрея Кураева, который теперь тоже наш брат-методист. Об этом не нужно. Мы просто знаем, что таких учителей много, что наше учительское сообщество и не сообщество вовсе, а очень разнородная масса в разной степени профессиональных людей. Я ищу единомышленников, своих людей, тех, под словами которых я могу подписаться.

Г.М. Ребель сегодня была как всегда фантастически точной, убедительной, это было выступление для открытия съезда (публикуем это выступление на с. 12–13 – *Прим.ред.*). Если бы съезд начался с сегодняшних нот, если бы мы были на этом съезде нужны не как массовка, а как те, ради общения с которыми министр и ректор отставили свои дела и услышали нас! А послушать стоило: и Галину Михайловну, и Оксану Смирнову, скромную женщину с негромким голосом, которую хочется слушать и слушать. И ведущую секции Е.Ю. Зубареву, протягивающую нить от школы к университету, яркую и энергичную, чуть скептическую, но во всем профессионала. И Е.О. Федоренко, с которой я знакома больше тридцати лет и которая блеснула сегодня в такой большой аудитории. Это было выступление учителя с широчайшим филологическим и методическим кругозором, показавшее реальный непридуманный опыт обращения в школе к самой современной литературе, опыт технологичный, перспективный, но требующий особой позиции учителя.

Из дневника съезда (№ 1)

Первым выступал Л.Айзерман («Боли и тревоги старого учителя литературы»). Это была форменная

По данным опроса участников съезда, предложенное в новом стандарте старшей школы объединение русского языка и литературы в рамках одной дисциплины считают непродуманным и опасным решением 74,7% респондентов.

провокация. Говорил он ярко, мощно и при этом заложил бомбу: сообщил, что ему для разговора с детьми о литературе вообще не нужны термины. Даром. Суть его выступления была антиэгешная: он приводил примеры общего упадка культуры и совести в нынешнем поколении. Заявление о терминах задело за живое многих, и многие выступавшие сочли своим долгом поспорить на тему: нужны термины или нет.

После Айзермана С.Л. Каганович (профессор из Новгорода) показала, что собой представляет предмет «литература», если увидеть его глазами нового образовательного стандарта и других официальных документов. Въедливо и толково разложила по полочкам формулировки, показала, где что чему противоречит. Но ведь в реальности на эти документы никогда никто внимания не обращает. Ни мы, ни начальство. И всё, что у нас происходит, совершается как-то помимо этих формулировок, если честно.

Потом выступал С.А. Зинин, который всячески старался защитить ЕГЭ, точнее, ту форму, в которой он сейчас проходит. Мысль Зинина была печальна: ЕГЭ – это данность, с которой бороться нельзя. И вот он, словно Саруман, решил, что лучше сам будет составлять варианты для ЕГЭ, потому что только так сможет убедить начальство в нём что-то изменить немного к лучшему. Например, убрать дебильный опросник – выбор вариантов. Начальству-то хотелось, чтобы весь экзамен состоял из одного набора однозначных галочек. В зале нашёлся человек (А.Ю. Закуренко из школы при МИОО), который стал доказывать, что это сделка с совестью, на которую порядочный человек идти не должен никогда. Далее Зинин всё доказывал нам, что та форма, которая сейчас придумана, – это оптимальный вариант экзамена и он вообще не понимает, откуда берётся деградация. Ну разве что экзамен этот мало кто сдаёт...

Далее были круглые столы, и я выбрала «Судьбу сочинения в школе» – ради ведущих. Их было двое: А.Ю. Закуренко и Г.В. Зыкова из МГУ, чья методика для рабфака, попавшая ко мне случайно, показала мне в своё время образцом здравого смысла и филологической элегантности.

Народу там собралось относительно немного, а разговор отличался от предыдущих посиделок повышенным уровнем – и интеллекта, и интеллигентности. Я опоздала, вошла, когда там уже разговаривали, и меня сразу поразило, как негромко вёлся разговор. Речь шла о том, что умение писать, порождать письменный текст – это вещь основополагающая, и мы не имеем права отказываться от задачи

(миссии) этому научить. И далее все аспекты проблемы: что есть разные типы детей, и пишут они по-разному. Учитывать их тоже нужно по-разному, начиная с того, чтобы снять страх белого листа. И что жанры писания тоже бывают разными, причём они часто идут из глубины детской индивидуальности, и учитель не должен ломать эти своеобразные формы, а должен от них и танцевать... Очень много интересного сообщил коллега из Ярославля (увы, для меня анонимный), который представляет образовательную организацию ГО АО ЯОРО. Он явно занимался всерьёз антропологическим аспектом проблемы и пытался довести до народа такую философскую идею: либо мы принимаем мир как нечто единообразное (и тогда мы форменные протестанты), либо признаём за личностью право на уникальность – и именно от этого должны танцевать... Что, кстати, прописано в стандартах как личностный подход... И тогда надо менять критерии оценки разных писаний – это трудно, но если начать работать в этом направлении, то реально...

Этому мнению отчаянно сопротивлялись две дамы из проверяющих ЕГЭ. Причём одна из них доказывала, что есть только один способ писать сочинение: составить план и выстроить классическое «рассуждение» с вступлением и заключением. И нипочём не соглашалась с тем, что это может быть кому-то глубоко неорганично. Мне очень хотелось её спросить, пишет ли она сама, но дама, глубоко раздосадованная возражениями, ушла, не дожидаясь конца разговора. А другая осталась, но она в итоге поняла, о чём речь.

Выводы из этого разговора были очень неутешительные: учителя сами «сдали» сочинения, потому что проще не учить писать, чем учить. Работа ведь немалая и непростая. И, строго говоря, мы сами предали свою профессию и свой предмет...

Из дневника съезда (№ 2)

Вечерние круглые столы не разочаровали. На круглом столе «Классика и современность» разговор пошёл об изменении парадигмы образования, кризисе нашего предмета. Я обратила внимание на самую большую для меня проблему – постепенное раскрепощение сознания учителя, которое, освобождаясь от множества мешающих факторов, концентрируется на важности учительского кругозора, начитанности и чувства собственного достоинства. Мне очень важен один вопрос: как соединить или хотя бы приблизить закреплённое сознание современного учителя и изменившееся сознание современного школьника-читателя? Если мы хотим это делать, то чего ждём от такого сближения?

Более половины участников Съезда (54%) считает неправильным исключение экзамена по литературе из списка обязательных выпускных экзаменов. Согласны с этим решением – 37,1%. Однако возвращаться к традиционной форме выпускного экзамена по литературе в форме сочинения, с точки зрения значительного числа участников Съезда, не следует: за такое возвращение – 41,1% ответивших, против – 44,9%.

События и встречи

На круглом столе «Почему наши дети не любят читать?» мы были всего полчаса, но это был очень насыщенный отрезок времени. Мы услышали много полезного о программах приобщения к чтению, исследованиях в области чтения, Интернет-ресурсах, посвящённых чтению. Ведущий круглого стола, Александр Иосифович Княжицкий, подытожил всё сказанное. Он тоже был ярким, невероятно обаятелен, конструктивен. Для него чтение – наслаждение, и это главное. Его понимание образования – это понимание образа жизни. «Как живём, так и учим». Но если «плывём непонятно куда, разочаровались в вертикали власти, то надежда на горизонталь – на самих себя». «Все большие события и процессы начинаются в школе. Ждать милостей извне мы не можем, поэтому надо спокойно и честно делать своё дело».

Нам сегодня было интересно друг с другом. Мы были сегодня не массовой, а особенными людьми, верными своему делу. Как жаль, что нас не услышали те, кто определяет образовательную политику в стране...

А в завершение дня мы брели по проспекту, усталые и освобождённые от чего-то. Мы сидели в маленьком кафе, пили чай, говорили обо всём, делились идеями, просто читали стихи. Со стороны мы, наверное, казались, чудаками. Но как же хорошо нам было! Сегодня мы испытали чувство радости от грустных подчас мнений наших товарищей, потому что очень важно сказать о том, что болит, иначе не знаешь, что лечить и как. Дождёмся нового дня...

ДЕНЬ ТРЕТИЙ. Главная интрига третьего дня – принятие резолюции, проект которой к этому дню был уже составлен. В его создании участвовали все желающие, все толково сформулированные предложения в проект вносились почти в режиме реального времени (спасибо Е.Ю. Зубаревой, делавшей это виртуозно). Важно было на заключительном заседании провести обсуждение проекта и договориться о том, как резолюция будет дорабатываться после съезда. А утром продолжали работу секции и круглые столы. Одним из самых жарких стал круглый стол по стандартам. И не случайно: ведь стандарты старшей школы, по поводу которого весь предшествующий год шли масштабные битвы, были подписаны только что. Согласно этим стандартам, в старших классах предметы «русский язык» и «литература» будут объединены...

Из дневника съезда (№ 1)

И.П. Цыбулько, главный разработчик КИМов по русскому языку, выступая на круглом столе, как и многие, выразила недовольство стандартами, но со своей оригинальной колокольни: ей не понравились огрехи в формулировках и терминах. Она даже со-

общила, что за стандартом стоят «опасные тенденции». Зал уши наострил: какие? Оказывается, уже с конца 80-х годов мы не слышим на концертах (посвящённых Дню милиции и проч.) актёров разговорного жанра. Где она, забота государства о развитии речи у простого народа? Этого мало. В педвузы филологи не сдают литературу – только русский, а физики не сдают физику, а только математику. Зато те и другие сдают обществознание. Зачем? А так велит Болонский процесс... Однако И.П. тут же категорично заявила, что отменить ничего невозможно – ни процесс, ни ЕГЭ. И пожаловалась, что строгие чиновники не позволяют ей ни клеточки прибавить в бланках ответов. (И вписывать туда, в эти бланки, слитно то, что пишется раздельно, тоже они, наверное, требуют? А мы все думаем: откуда такой идиотизм?). Да, но теперь ведь русского языка не будет, будет словесность. И ЕГЭ к новому предмету – непонятно какой. И КИМы неизвестно, кто и как составит... Поэтому Цыбулько сурово потребовала, чтобы эти новые КИМы а) составляли профессионалы (интересно какие? и есть ли опасность, что чиновники сами их будут составлять?), б) учебники по русскому языку чтоб все унифицировали – ведь всегда на смену творческим эпохам приходят этикие... строгие, и нам уже пора, в) надо, чтобы за двойки учеников на

экзаменах в регионах перестали вызывать педагогов в прокуратуру... В конце Цыбулько сформулировала слоган: «Открытость, предсказуемость, гласность». И тут же заверила, что мы, конечно, будем исполнять всё, что прикажут, потому что мы законопослушные граждане...

Затем слово взял В.В. Луховицкий из школы «Интеллектуал». Получился контраст – лучше не придумаешь. Он начал с того, что приказ министра о стандарте – это не закон, а приказ. Дума его не принимала, а приказ как подписали, так же можно отменить. Как не прошедший обсуждения в профессиональном сообществе. И надо утвердить прозрачную процедуру общественного обсуждения. И закрепить законодательно невозможность чиновничьего манипулирования тем, что существенно влияет на положение в образовании, без участия профессионального сообщества. А под конец, чтобы подбодрить народ, рассказал притчу про то, как в Москве в этом году принялись было сливать школы. Но в итоге слили только те, которые сами на это согласились. Потому что, как только другие восстали и стали за себя бороться, Собянин пошёл на попятный. Поэтому не надо вести себя «применительно к подлости» и как истинные глуповцы. Этот стандарт «бухгалтерский», он написан безграмотными людьми, которые хотели одного – сэкономить на образовании. И чтобы он не прошёл «от нашего имени», словесникам нужно сказать, что они его не принимают.

Журнал «Литература» читают 75,5% опрошенных. И это прекрасно.

Из дневника съезда (№ 1)

Т.В. Стрепетова из волгоградского политехнического колледжа говорила про то, что для своих автомехаников, чтобы их как-то заинтересовать литературой, она каких только уроков не придумывает: урок-праздник, урок-фейерверк, урок-сон, урок эпистолярный... Она показывала слайды, рассказывала, что это за жанры, и было абсолютно понятно, что она всё делает здорово и что её автомеханики души не чают в этих праздничных уроках и заодно в литературе, которую подсовывает им эта учительница. И ещё – что она литературу знает и понимает не только КАК подсунуть, но и ЧТО. И что ребята тоже любят. И вообще колледж у них отличный. И, кстати, как пришлось признать ведущим, для этих ребят терминология была бы лишним грузом, а вот литературу они получают – другим бы так... Но им-то ЕГЭ не сдавать...

К заключительному пленарному заседанию, на котором обсуждали резолюцию, стало очевидно, что не очень понятный и не слишком удавшийся поначалу съезд вдруг принял очертания чего-то серьёзного и основополагающего. За два дня работы удалось-таки выявить и назвать самые главные болевые точки и даже нащупать какой-то план дальнейших действий.

Из дневника съезда (№ 1)

На заключительном заседании выступил С.В. Волков, главред «Литературы» и учитель школы № 57 г. Москвы. Сказал он примерно вот что:

- Съезд хорошо продемонстрировал, что у словесников много внутренних баррикад и яростных споров. Пока мы будем говорить каждый про своё, нас будут бить. Надо объединяться и находить общий язык. И объединяться снизу.

- У нас нет своего Рошалья, яркого и харизматичного, который всё за всех может сказать, и его будут слушать. Когда был зимний скандал про стандарт, прислушались только к письму, собранному двадцать тысяч подписей, – и к ассоциации математиков. Там были люди, которых нельзя не слушать, слишком они весомы.

- Нам тоже нужна ассоциация, и она должна работать и с обществом, и с государством. Чтобы к ней прислушивались. Обществу и государству учителя-словесники должны терпеливо объяснять необходимость культуры. Сейчас мы, кажется, последние, кто ещё помнит, что культура зачем-то нужна.

- Мы примем резолюцию – честную, резкую, но этого мало. Надо, чтобы о ней узнали. Не молчите, пишите, рассказывайте... Давайте позовём в ассоциацию известных людей: Быкова, Прилепина... Давайте задействуем слоганы, которые подхватят СМИ... Давайте работать по законам пиара – тогда нас услышат. Вот, например, если написать где-нибудь у себя в блогах: «Учителя России сказали нет 100 книгам Путина», – хороший крик поднимется.

- Обычно мы не доверяем никаким ассоциациям. Мы Кутузовы, которые спят на совещаниях, и капитаны Тушины, о которых было забыто, потому что знаем, где по-настоящему решается участь боя. Мы тактики, которые не любят стратегий. Нам трудно, и мы дозируем усилия, главные из них направляя на детей. Но вот настал момент, когда надо почувствовать локоть коллеги. Когда надо объединиться.

И.И. Коган из Самары тоже подвела итог – кратко и толково. Сказала, что у неё противоречивые ощущения к концу съезда. Грусть: литературу убили, 100 книг вместо неё подсовывают, жуткий стандарт... Тревога: вот мы сейчас разъедемся, а дальше?.. Надежда: всё-таки что-то мы же можем сделать. И резолюция на самом деле определила наши болевые точки. По ней можно было бы провести серьёзную реформу образования...

Из дневника съезда (№ 2)

Зачем мы приехали на съезд? Чего ожидали от него и вообще ожидали ли? На эти вопросы трудно ответить, да и не стоит. Потому что гораздо важнее то профессиональное общение, которое никто организовать не сможет. Это только мы сами можем, тут и ожидания не нужны. Это состоялось и, вероятно, является главной ценностью таких собраний. Спасибо коллегам за бескорыстное тёплое общение, за внутреннее единство и верность делу.

Послевкусие

Из дневника съезда (№ 1)

Всё не могла понять, что же мне так мучительно напоминает ситуация с литературой. Потом, в процессе разговоров, вспомнила. Я это каждый раз в 11-м классе рассказываю детям: конец Европы, Шпенглер, Лев Гумилёв... Цивилизации гибнут обычно потому, что устают. Научить каждое новое поколение читать, писать, считать – это ничуть не легче, чем построить пирамидку-другую в пустыне. Врачи вон говорят: когда дети начинают учиться, они медленнее растут. Оболтусы, резвящиеся на воле, обгоняют их в физическом развитии – настолько тяжко это бремя цивилизации. А научить читать художественную литературу, ценить её красоты и писать по этому поводу нечто разумное... Такие цивилизации хрупки, задним числом в них всегда хорошо различима обречённость. Ну вот, мы дожили, похоже, до момента слома. Русская цивилизация устала передавать своим детям культуру, для восприятия которой надо очень много чего вкладывать. Мало ведь читать – надо понимать, и чувствовать, и формулировать... Это только кажется разным персонажам из-под известного дуба, что жёлуди берутся как-то сами собой, что все мы просто умные такие уродились и пишем тут непринуждённо и легко вовсе не потому, что в школе нас учила какая-то не самая любимая Марьяванна. Один известный человек тому назад лет уж двадцать бодренько заявил, что он не

понимает, зачем в начальной школе надо учить детей четыре года. Он взял эти учебники и посчитал, что месяца на них достаточно... Мы просто забываем, как это было трудно – чтобы теперь казалось легко... Потом, как известно, приходят жизнерадостные варвары, физически хорошо развитые. А Риму уже не вмоготу бывает дать им отпор...

Из дневника съезда (№ 2)

Самым главным итогом съезда для меня стали результаты голосования за резолюцию. Проголосовало чуть больше 300 человек. Из почти 900. Почему? Не работал Интернет, или его просто нет, или пользоваться не научились? Но ведь резолюция стала неожиданностью съезда. Она охватила много самых важных вопросов нашей реальной практики, наших отношений с властью, отношения к образовательной политике. Мы спорили об отдельных пунктах, но мы понимали, что это серьёзно. Почему же нас так мало на финише? (На доработку резолюции было дано две недели, участники съезда присылали свои замечания и предложения и голосовали за резолюцию по Интернету. – Прим. ред.)

Если 300 из 900 голосуют, а остальные молчат, то можно ли говорить об ассоциации, о единстве, о том, что власть НАС не слышит, что она проводит свои реформы, не советуясь с НАМИ. А кто такие МЫ? И есть ли эти самые МЫ? Их нет. И не будет.

Мы слишком разные, мы по-разному относимся к своей работе и проблемам, в ней существующим. Мне не нужна ассоциация, мне нужны те, с кем мне интересно работать и общаться, обмениваться идеями, понимать, где и почему бываю неправа или почему мало ценю себя. Как радостно бывает за коллегу, у которой что-то получилось, как иногда радуют студенты, понявшие, для чего мы преподаём литературу. Как горько бывает ви-

деть детей, теряющих книгу, и каким спасительным кажется иногда просто существование тех, кто печалится так же, как ты, и так же понимает, что нужно стоять на своём.

Мне дорого, что на съезде, с трибуны и в кулуарах, мы говорили о том, как устали от многого, как признавались в собственных ошибках, винили себя в ослаблении статуса нашего предмета, в изменении отношения к нему в обществе. Мы не лукавили, мы понимали, что подставляем себя, что последуют за этим обвинения в слабости, в том, что так нельзя... Последовали. Но...

Мне очень жаль тех, кто ехал на съезд за рецептами, ехал с радостными отчётами о том, как «хорошо в стране советской жить», жаль тех, кто понесёт это дальше, будучи абсолютно уверенным в своей правоте, в том, что у него всё хорошо, а проблемы решат другие. Я думаю и о том, что буду говорить учителям в августе на конференции, но точно знаю, каким будет мой пафос. Остаюсь ли я идеалистом? Бесспорно, для меня хороший учитель – всегда идеалист, даже если выглядит скептиком, прагматиком, пессимистом. Это неважно. Есть только одна ассоциация, в которую я вступлю с удовольствием – Ассоциация хороших людей, любящих детей, литературу и решившихся говорить с детьми об этом.

В подготовке отчёта участвовали:

С.В. Волков, С.Ф. Дмитренко,

К.В. Тихомирова

(Москва, дневник съезда № 1),

И.В. Добрынина

(Новосибирск, дневник съезда № 2)

Подробную информацию о прошедшем съезде можно найти на сайте <http://philol.teacher.msu.ru/>

▲ Участники съезда. Фото с сайта <http://philol.teacher.msu.ru>